

А. В. Мангилёва*

Повседневная жизнь
сельского прихода
в 1-й половине XIX века
(по материалам
«Дневника сельского священника»)

В Российском государственном историческом архиве, в фонде 834 (Рукописи Синода) хранится дневник неизвестного сельского священника, который вел свои записи в 1828–1830 гг. Сохранившаяся рукопись — только часть дневника: текст начинается словами о том, что это уже 3-я «тетрадь» с заведения записок¹. Таким образом, у этого документа нет по сути ни начала, ни конца (записи обрываются неожиданно, без всякого «эпилога», видимо потому, что «тетрадь» закончилась). Нет в дневнике и развернутых сообщений о каких-либо значимых событиях; вообще непонятно, почему столь заурядный документ попал в архив Святейшего Синода. Но именно обыденность этого дневника, его незавершенность вызывают к нему дополнительный интерес: сегодня все больше внимания уделяется истории повседневности, и наш непритязательный сельский священник получил-таки возможность «попасть в историю».

Прежде всего встает вопрос, кто является автором дневника. На рукописи сделана надпись карандашом: «о. Григория». В тексте нет названия села, в котором служит о. Григорий, но назван ближайший город — Тверь. Это указание позволяет установить личность автора дневника. В 2006 г. С. С. Кузин опубликовал в качестве приложения к своей статье «Духовенство и сельские приходы Тверского уезда Тверской губернии в первой половине XIX в.» сведения об уездных сельских причтах и приходах, взятые из клировых ведомостей 1822 г. (судя по всему, клировые ведомости скопированы почти полностью)². Среди приходских центров значится «погост Рождественский близ Кушалина», находящийся в 30 верстах от Твери. Настоятелем одноприходного храма Рождества Христова в 1822 г. был священник Григорий Борисович. Сведения о семьях причта совпадают с данными дневника: жену священника зовут

* © Мангилёва А. В., 2011

Анна Владимировна Мангилёва, кандидат исторических наук, доцент кафедры теологии Российского государственного профессионально-педагогического университета (Екатеринбург).

Анастасия Осиповна, сына — Георгий, дьячка — Матвей Михайлович, пономаря — Василий Степанович. В описи прихода значатся упоминаемые в дневнике сельца Волково, Ляхово, Попово, деревни Козлово, Конищево, Русино³. Следовательно, дневник из синодального архива принадлежал именно Григорию Борисовичу.

Клировые ведомости не только помогают установить личность автора дневника, но и сообщают различные сведения о нем, о его семье и других членах причта. Итак, в 1822 г. Григорию Борисовичу было 34 года. Он окончил курс семинарии, был рукоположен во иерея в 1817 г.⁴, «читает и поет хорошо, поведения хорошего»: в последнем случае мнение благочинного не вполне совпадает с самооценкой о. Григория. Его жене в то время было 30 лет, они воспитывали троих детей: трехлетнего сына и дочерей Екатерину 9 лет и Евдокию 6 лет. Дякона на приходе на тот момент не было (как и на многих других приходах). Дьячку было 35 лет, он «окончил курс философии с нехудыми успехами, в службе с 1818 г. и в стихарь посвящен, читает и поет хорошо, поведения порядочного». Странно, что выпускник философского класса семинарии занимает лишь дьяческое место. Можно с осторожностью предположить, что он женат вторым браком (его жена младше его на 13 лет), но обычно в клировых ведомостях делалась соответствующая пометка, кроме того, против такого предположения свидетельствует возраст единственной дочери дьячка — 3 года, т. е. он скорее всего женился и тогда же поступил на службу (в случае второбрачия он начал бы служить раньше). С другой стороны, пометка «в службе с 1818 г.» также вызывает сомнения: в клировой ведомости имеются сведения о подсудности дьячка «в бытность причетником в с. Романове», но дело было прекращено «в силу Манифеста 1814 г.»: следствие в церковных судах могло длиться годами, но вряд ли бы попал под амнистию клирик, провинившийся после ее объявления (данные клировых ведомостей о соседних причтах также подтверждают, что выражение «поступил в службу» подразумевает поступление на последнее место службы, а не на службу в целом). Возможно, именно подследственность стала в дальнейшем препятствием к рукоположению.

31-летний пономарь был в свое время выпущен «из русского класса, успехов не худых, в должности с 1807 г., в стихарь посвящен, читает и поет хорошо, поведения хорошего». Он уже овдовел, при нем жили его 8-летняя дочь, теща «вдовая пономарица Анна Федорова 48 л[ет]» и ее 21-летняя дочь Дарья. Сын «пономарицы» учился в уездном училище, где ему (единственному представителю духовного сословия на приходе) дали фамилию Соколов⁵. Помимо «пономарицы» при храме проживали еще две вдовы: «умершего священника» Ивана вдова Евдокея Дмитриева 67 л[ет] с дочерью вдовой дьячихой Марфой 35 л[ет]. У нее дети Ольга 10 л[ет], Анастасия 8 л[ет], Михаил 6 л[ет], Анна 4 г[ода] по отцу Тимофеевичи⁶. Марфа стала одним из самых колоритных персонажей дневника о. Григория.

Можно высказать некоторые предположения о родственных связях и наследовании мест на Рождественском приходе. Прямо указывается только то, что покойная жена пономаря Василия была племянницей священника (ве-

роятно, именно этим объясняется заметное при чтении дневника более теплое отношение к пономарю, нежели к другим членам причта). Поскольку родство священника с «пономарицей» не указано, следует сделать вывод, что братом священника был покойный тесть пономаря. Он также служил пономарем, поэтому можно предположить, что Василий получил место своего предшественника, согласившись жениться на его дочери. Это в свою очередь косвенно «привязывает» к селу и самого священника, но противоречит предположению о том, что он наследовал приход после отца, свидетельствует проживание на приходе вдовы священника Ивана (обычно вдовы оставались на том приходе, где прежде служили их мужья, реже переезжали к родственникам, которые могли их содержать); служащей на приходе мужской родни у вдовы не числилось, так что она скорее всего просто жила в доме, оставшемся от мужа. Ее присутствие в Рождественском делает маловероятной и версию о том, что о. Григорий поступил на место своего тестя. В целом представление о значительном распространении наследования приходских мест в 1-й половине XIX в. данными о Рождественском причте не подтверждается.

К 1828 г. на приходе произошло довольно много изменений. В дневнике упоминается дочь священника Генюшка. Оба церковнослужителя остались на месте, кроме того, на приходе появился диакон⁷, женившийся на дочери дьяческой вдовы Марфы (вероятно, Ольге). В связи с этим либо диакон (имя его в дневнике ни разу не упоминается) поселился в доме своей тещи, либо она переехала на жительство в его дом вместе с остальными своими детьми, но их постоянные склоки стали, по-видимому, одним из главных источников приходских сплетен. Таковы основные «персонажи» дневника о. Григория. Перейдем непосредственно к его содержанию.

Первое, что непременно в нем отмечается, — проведение воскресных служб. Служит о. Григорий регулярно, если не препятствует похмелье⁸. Это, впрочем, не самое серьезное богослужебное нарушение на приходе, поскольку оно хоть как-то объяснимо. По сравнению со своим подчиненным о. Григорий выглядит еще вполне благочестиво (по крайней мере, в собственных глазах): «диакон у вечерни не был по лености или по не уважению и небрежению к своему долгу, нередко пропускает [далее одно слово неразборчиво] службу, незаботлив о селе»⁹. Служба, конечно, могла обойтись и без диакона, но он ее украшал, прихожане любили диаконов с хорошими голосами и гордились ими, а по сему у последних частенько развивались симптомы «звездной болезни». Священника, который вынужден был служить в одиночку, а потом еще и отдавать диакону значительную часть общего дохода, это, разумеется, раздражало.

Самые распространенные требы, которые приходилось выполнять священнику, — крещение и погребение младенцев. Это свидетельствует о высокой рождаемости и высокой же детской смертности. Смерть маленького ребенка — явление заурядное настолько, что приходилось записывать: «попомнить в прошлую субботу: погребены 2 младенца, об одном забыто — чей»¹⁰. В дневнике зафиксирована и смерть собственной дочери священника. Более подробны записи о смерти взрослых. 8 июля 1828 г. священник был вызван

для причащения больного дворового, но опоздал. Возможно, ощущение своей невольной вины заставило его записать возраст умершего, обстоятельства смерти. Но заканчивается заметка довольно неожиданно: «Час воли Божией дошел до него — и сомнений никаких нет. Убрали в стог последнее сено»¹¹. Типичное отношение к смерти человека, который часто с ней сталкивается.

Нормальным является также и тот факт, что пометки о сельскохозяйственных работах встречаются не реже записей о требоисправлении. Поскольку упоминания об этих работах повторяются из года в год, рассмотрим только те из них, которые относятся к 1828 г. Записи за июль подробно повествуют о сенокосе. 4-го числа: «Яков со мною убирал в стог сено — день второй», 5-го: «Я с детьми и Марфунькою огреб 10 копен», 6-го: «работал я до усталости»¹². Закончился сенокос, как отмечено выше, 8-го числа. В хозяйстве священника была занята не только его семья: «По утру пришел Михайла Максимов работать до 18 августа за 6 р[ублей] 50 ко[пеек]»¹³. 9 сентября священник расплатился за работу: «Михайле работнику отдано 11 рублей, рабочих осталось на мне 3 рубли да заемных 9 р[ублей] 87 ко[пеек], всего без 23 ко[пеек] 13 рублей не уплачено, должным остаюсь сею суммою»¹⁴. Следовательно, денежные суммы, которыми располагал сельский священник, были довольно незначительны¹⁵. При этом следует учесть, что найм работника¹⁶ мог быть вызван не только тем, что священник ведет более крупное хозяйство, чем крестьяне¹⁷, и не тем, что священник располагает средствами, которые позволяют ему хотя бы частично избавить свою семью от хозяйственных забот, но тем, что у священника остается меньше времени для сельскохозяйственных работ, чем у крестьян.

Кажется, и сами крестьяне в данном случае признают занятость священника и готовы ему помочь безвозмездно: «Дожать помогли соседы сельские Овдотья Савостиянова и Домна Матвея Ермилова. Спаси Бог их всех за усердие их ко мне и управи Бог дела их домашние!»¹⁸. Широко распространенное мнение о том, что крестьянство негативно относилось к духовенству как к зажиточной верхушке деревни, требующей к тому же чрезмерно высокой платы за исполнение своих прямых обязанностей, в данном случае не подтверждается. В то же время показательно, что помощь священнику оказывали женщины. Женщины являлись наиболее активными прихожанками, именно на них лежала забота о поддержании чистоты в храме, его украшении, поэтому и помощь священнику по хозяйству они могли рассматривать как одну из форм участия в приходской жизни. Церковным вкладом можно считать и подарок, сделанный священнику: «Николай Андреич¹⁹ пожаловал мне 1 четверть ржи да четверть дал взаимообразно на посев. Спаси его Бог с семейством его! Не знаю, чем более благодарить его, как молением к Богу о нем; да будет Бог с ним всегда и везде». Призвав благословение на дом Николая Андреича, о. Григорий тут же, без какого-либо перехода, обращается к делам земным: «Будет ли какая разница всхода и плода от различия семян?»²⁰.

Надо сказать, что земные заботы в сознании о. Григория достаточно успешно противостоят благочестию: «Грешный дозволил работать работникам до литургии. Заносилось дождевое — возмалодушествовал и приказал ярицу

убрать в стог до литургии. После жали, убрали лен на ригу, доход разделили»²¹. Запись помечена 15 августа — днем Успения Пресвятой Богородицы. Работать в такой праздник не положено, но сельская жизнь вносит свои коррективы в церковные обычаи, и запрет на работу, как видим, распространяется только на время до праздничной службы. Если на работу в поле приглашались крестьяне, то заботу о коне о. Григорий не доверял никому, что не без гордости и отметил в дневнике: «Я сам занимаюсь всегда хождением за буланым»²², причем «буланый» доставляет немало забот: то и дело встречаются пометки о его лечении. Возможно, священник считал, что более высокий уровень образования дает ему преимущества перед «соседами» и в ветеринарном деле.

Помимо собственно священнослужения и исполнения треб, на духовенство возлагались и другие обязанности. Именно от священника прихожане, не читающие газет, узнавали об основных политических событиях. 3 декабря 1828 г. о. Григорий занимался «списыванием указов»²³, на него же самого за тот недолгий период, который получил отражение в дневнике, произвели особое впечатление (такое сильное, что он сделал записи) только 2 политических новости. 9 ноября был получен «Указ о кончине Ее Императорского величества Марии Феодоровны»²⁴. Другое известие, вызвавшее более эмоциональную реакцию, поступило «из неофициальных источников»: «Вечером сего числа получил я весть от крестьянина печальнейшую и ужасную относительно любезнейшей нашей армии, воюющей с турками. Дажь Боже, чтоб сия весть была ложна! Помилуй нас Господи!» (8 сентября 1828 г.)²⁵. Как видим, недостаток информации уже тогда приводил к появлению слухов, неприятных для правительства.

Если большинство указов просто зачитывалось священником перед прихожанами после службы, то в некоторых случаях государство требовало от духовенства еще и разъяснений проводимых мероприятий. Прежде всего это касалось тех правительственных распоряжений, которые были направлены на улучшение условий жизни низших слоев. В правление Николая I на духовенство возлагались все новые и новые обязанности. Правительство видело в сельском священнике еще и агронома, и учителя, и врача: в учебную программу семинарий в 1840 г. были введены соответствующие курсы. Разумеется, проку от такой политики было немного, но, по крайней мере, если не заменить, то помочь немногочисленным специалистам духовенство могло. В частности, оно должно было убеждать прихожан в пользе прививок от оспы (о. Григорий получил «экземпляр о прививании оспы» 17 июля 1828 г.)²⁶, вести учет сделанных инъекций. Что же касается ведения хозяйства, то, как видно из предшествующих примеров, о. Григорий был не прочь поэкспериментировать с посевами и высоко ценил свои способности ветеринара. Считал он себя специалистом и в области медицины; по крайней мере, любил давать советы по лечению распространенных заболеваний: «Посещал Ольгу Никитишну больную — советовал прикладывать к животу перепеченую горячую хлебную корку и пить вместо чаю [и] кофе можжевеловых сушеных ягод»²⁷. Впрочем, и сегодня огородные работы и новые методы лечения — излюбленные темы

разговоров, из чего вовсе не следует, что люди, ведущие эти разговоры, хотели бы профессионально заниматься агрономией и медициной; православное духовенство XIX в. в целом также не жаждало чересчур углубляться в сии области.

Ближе к богослужебным обязанностям духовенства было ведение метрических и исповедных ведомостей. При всей внешней легкости этого занятия оно отнимало у священников довольно много времени. Если записи крещений, венчаний и отпеваний могли быть не слишком велики, то ежегодная исповедная ведомость включала всех прихожан — и тех, кто исповедовался и причастился, и тех, кто уклонился от предписанного государством обязательного исполнения таинства; при этом записи должны были выполняться каллиграфическим почерком, что, например, у о. Григория, судя по виду его дневника, могло потребовать дополнительных усилий. 5 сентября 1828 г. он начал заполнять исповедную роспись «и написал 34 дома крестьян с позднего обеда»²⁸ — неплохой результат, но затем дела пошли хуже: за 2 дня он «мало написал — препятствовали дела домашние и приходские». Наконец, 10 сентября «часу в 9-м утра кончил тетрадь исповедную — с №омерами (так! — А. М.), начатую писать в 5-е число»²⁹. Но и это еще не было окончанием работы, поскольку 12 сентября следует запись: «Исповедную подлинну совершенно кончил»³⁰. Чувствуется, что для священника окончание этой работы — большое облегчение.

По сообщениям современников-публицистов, одной из наиболее важных проблем для духовенства Центральной России была проблема взаимоотношений с помещиками. Недовольство владельца деревни, входящей в приход, кем-либо из местных клириков могло привести к различным неприятностям, вплоть до перевода священнослужителя к другой церкви. В рассматриваемом случае священнослужителям в этом смысле повезло: в дневнике нет следов каких-либо конфликтов с «барями». 1 марта 1829 г. «после утрени ездили в Ляхово, и у Ивана Николаича святили 2 водоосвящения. Служили молебн Богоматери Казанской, довольны Его Высокоблагородием при первом с ним нашем свидании»³¹. 30 июня 1829 г. «посещал Поповских господ. Сколько я ими, их расположенностию, а паче благотворением Николая Андреича доволен!»³² Дела, таким образом, обстоят благополучно, но настойчивое повторение слов «доволен», «довольны» показывает, что бывало и по-другому.

Впрочем, мирные отношения с помещиками могли объясняться и тем, что большинство из них владели в основном лишь несколькими дворами крепостных. Так, уже упоминавшийся Николай Андреевич Тесьмин делил деревню Амачкино с Яковом Николаевичем Тесьминым, которому принадлежало 4 двора с 30 мужскими и 26 женскими душами и Прасковьей Андреевной Лушниковой, которая владела 8 дворами с 32 мужскими и 30 женскими душами. Всего на приходе значились 550 мужских и 566 женских душ дворовых и помещичьих крестьян, которые принадлежали 13 помещикам. Вероятно, не все владельцы крепостных жили на приходе, поскольку в числе прихожан значатся лишь 2 дворянина и 6 дворянок³³. Бросающаяся в глаза незначительность этих бар не приводила к тому, что настоятель приходского храма мог

бы почувствовать себя их ровней. С одной стороны, помещиков и священника объединяли хозяйственные заботы и интересы, с другой — о. Григорий даже в дневниковых записях не забывал «соблюдать дистанцию», что, вероятно, было уже врожденным качеством.

Подтверждает дневник о. Григория и свидетельства публицистов о больших расходах на взятки, которые духовенство должно было давать по различным поводам как церковному начальству, так и светским чиновникам. 7 июня 1829 г. «обследовано было дело о церковной нашей земле»³⁴. Видимо, уточнялись границы церковных наделов. Приезжали судейские чиновники и в качестве свидетеля со стороны епархиальных властей священник, который должен был защищать интересы духовенства. «В расходе на угощение поступило — дьячок сам знает — а именно: на вино и водку 3 рубля, солдату 20 ко[пеек], заседателю с чиновником за честь 8 рублей. Прочее считаю (в рукописи: щитаю.— А. М.) на себе»³⁵.

Запись о том, что дьячок знает о расходах, не случайна: вопрос о дележе расходов и доходов между членами причта являлся весьма щекотливым. Обвинения в том, что настоятель утаивает от причта часть денег, были широко распространены, и, должно быть, в души самых благорасположенных клириков хотя бы однажды закрадывались сомнения, и они начинали мысленно вести подсчеты. В этот раз поднял бунт диакон: он был на мельнице, когда приезжали чиновники, а потому от участия в расходах отказался. «Диакона я назвал дураком, а он меня таким словом, и к оному ругательству еще и поносил ложно, якобы я их доход утаиваю, и заграбил половину их домов». Одним из существенных доходов духовенства были так называемые сборы, во время которых клирики обходили дома прихожан и получали от них пожертвования продуктами. Процедура эта была достаточно унижительна, но отказ от нее привел бы духовенство к существенным материальным проблемам. В нашем случае приходские дома были, по-видимому, разделены между членами причта, и диакон обвинял священника в том, что тот получал пожертвования с тех домов, которые не входили в его долю. Во время ссоры пьяный диакон «метрические книги, много написанные им, рвал у меня со стола буянски, так, что я опасался, дабы не повредил шнуры и печати. Поступил со мною, словом, самым озартным и буянским поступком»³⁶. Диакон пытался отобрать у священника книги, чтобы тот не присвоил себе результаты его работы (ответственность за ведение документации нес весь причт в целом, ведение записей делилось между всеми клириками). Священник не дал диакону книги, так как опасался, что тот «в хмельном виде да в бесившемся духе не учинил какие в книгах значительные неисправности». Скорее всего о. Григорий подозревал, что диакон может вырвать свои записи, по крайней мере, повредить шнур, которым книга сшивалась, и печать, которой фиксировался сам шнур,— основные средства защиты от подделок метрических свидетельств. Порча метрической книги могла быть приравнена к подделке государственных документов, и наказание соответствовало бы степени вины. На следующий день диакон опоздал на службу: «Я же служил с чувствованием спокойным, один, без диакона, быв уверен по чистой совести в моей невинности

противу диакона». Ссора прошла бесследно, правда, неизвестно, когда были восстановлены нормальные отношения, но в конце июля на покосе «диакон пришел пособить. Спасибо ему»³⁷.

Вообще, отношения между приходскими клириками складывались непросто. О. Григорий отмечал, что он сам не всегда вел себя достойно по отношению к подчиненным. На обеде у прихожанина священник «не воздержался от горячих напитков, излишне употребил и учинил обиду Василью пономарю. Раскаялся, жалел и просил в ту же минуту у него прощения, а после еще более жалею о безумном своем поступке»³⁸. Уже через неделю последовала еще одна покаянная запись: «Жалею, что я Марфу проскурну назвал дуροю и свиньею за ее суеверный поступок при водоосвящении — младенца купала в сделанном месте для водоосвящения, народ ее поступком возгнушался»³⁹.

Вдова дьячка Марфа — один из самых неприятных персонажей дневника, но и один из самых активных. О. Григорий скрупулезно фиксировал все ее проделки. Характер у «дьячихи» скверный, но отчасти ее можно оправдать тем, что положение ее на приходе было одним из самых тяжелых. Как уже отмечалось, она имела большую семью, а единственная помощь, которую ей могли оказать, — устроить на штатное церковное место печь просфоры. Еще одна удача просфорницы — замужество дочери. Зять-диакон по церковной традиции был обязан содержать всю семью своей тещи, однако отношения между ними не сложились. «По утру дьячиха Марфа приходила с просьбою на диакона о том, что не дает капусты и за деньги не продает. Но спустя несколько времени дьячиха и дети ее носили капусту из огорода в небытность диакона в доме»⁴⁰. В это время капусту как раз квасили, так что вряд ли дьячиха утатила каких-нибудь 2–3 кочана. Священник, судя по всему, поддерживал диакона, который не желал спокойно терпеть «озорничество» своей тещи-«ханжи»⁴¹.

26 августа 1828 г. прихожанин Михаил Петров пришел на службу поздно, но пел на клиросе. Видимо, священник сделал ему замечание за опоздание, и тот оправдывался тем, что давал показания об «известных ему подозрительных поступках дьячихи нашей, вдовы». Певчий показал, что Марфа готовила в его доме «вредное для человека, на которого имела она неизвестно ему какую причину... Что она, вдова, лично ему, Петрову, говорила: что она, вдова, дала две чашки вредного с чаем девице Дарье, пономаревой дочери. Для чего? Неизвестно. Да, вспомнил я, для какой-то сухоты». Марфа в этот день на службе не была, «хотя и звана была пономарицею вдовою, которая дочь Дарья была потчивана тем чаем». Далее о. Григорий постарался отвести от себя подозрение возможных читателей в распространении сплетен: «Сие записано мною по долгу моему, для будущего следования»⁴². Скандал между тем развивался. 29 августа «после литургии хлопотали в церкви дьячиха и пономарица. Дьячиха пономарицу называла дуροю и говорила, что она испортила ее детей — диакона с диаковицею. До присяги мною дьячиха не допущена. Поелику свидетель в ее поступках в воскресенье готов был иттить к присяге в показанных своих словах при всем нашем причте. С могилы я

не принял от дьячихи приноса за неусердие ее ко мне и слышанных мною верно ее ругательства и злосные похвалы — о Боже мой!»⁴³

Клирики регулярно обвиняли друг друга и в воровстве: «Диакон и дьячок завели без резону со мною бранную речь», дьячок «порицал пономаря вором. И меня также заочно»⁴⁴. Но церковнослужители (дьячки и пономари) располагали большей свободой, чем священники, которых могли в любой момент позвать для исправления треб, поэтому после подобных оскорблений священник дал дьячку, отправляющемуся в город, «2 р[убля] 10 ко[пеек] на сахар, икру и бумагу»⁴⁵. Дьячок доставлял неприятности о. Григорию довольно часто. 8 июля 1828 г. он «сбуйнил — бросил книги на стол водоосвящения и ушел. Буйственному сему поступку виновен он один по своей к тому склонности». 12 марта 1829 г. «деревни Русина кр[естьянин] Евфимий Васильев приносил жалобу на дьячка в упорстве его касательно расчета (в рукописи: разчета.— А. М.) и расплаты взаимного между ими долга. Проситель крестьянин послан был мною к дьячку, чтоб он ко мне пришел, да лично объяснился на одной (так! — А. М.) ставке с просителем относительно долга. Но дьячок ослушался, не пришел, сказав: что я у попа забыл? Таковой поступок дьяка не оправдывает; но можно подумать, что он 1-е: не совсем прав, 2-е: презирает настоятеля — ни во что вменяя выслушание и свидетельство настоятеля о деле, из которого может родиться более хлопот»⁴⁶. Уж не обиделся ли о. Григорий, помимо всего прочего, на то, что его называли «попом»? Сам себя и других священников он этим словом никогда не называл (других священников именовал «отцами», а себя, даже похмельного,— «иереем»)⁴⁷. Однако такое почтительное отношение обычно не распространялось на жену, которая чаще всего упоминается как «попадья». В отместку дьячок превратился в «дьяка». Но ссоры между «духовными», несмотря на свою частоту, были удивительно скоротечны. 1 ноября 1830 г. священник сделал запись о том, что он узнал «с прискорбием о неизвестной кончине доброго моего дьячка» Матфея Михайлова⁴⁸. Только из этой записи выясняется имя последнего. Кстати, он назван именно Михайловым, а не Михайловичем, так что скорее всего взаимной симпатии между ним и священником никогда не было (пономарь постоянно называется по имени). Дьячок, по-видимому, выступал главным комиссионером причта, он не только получал деньги на городские покупки, но и выполнял более деликатные задачи. После визита благочинного, который следил за порядком в приходских храмах, приходилось посылать вслед за ним дьячка с деньгами «на вотку»⁴⁹. Столь полезный дьячок мог, разумеется, иногда позволить себе и «сбуйнить»⁵⁰.

Создается впечатление, что причиной ссор часто бывало пьянство — основной грех русского духовенства. Заметки о выпивке и похмелье в дневнике о. Григория встречаются на удивление часто, нередки и покаянные рассуждения о вреде подобного обычая: «Будет ли такое время мне, чтоб я умел употреблять, или совсем оставил употребление... злым людям много радости в моей неосторожности и слабости, а мне самому — печаль, и бедствие, и нечесть. Господи, Укрепи меня!»⁵¹. Дело доходило до того, что после визита к родственникам о. Григорий даже не смог отслужить обедню, а ограничился чтением часов и молебном⁵². Удивительно при этом, что в дневнике нет никаких

сообщений о семейных скандалах. Видимо, «грешный иерей» не желал отмечать такие мелочи или его супруга была женщиной кроткой. Судя по записям, на ведении хозяйства о. Григорием его «употребление» не слишком сказывалось. Однако отправляя сына в училище после рождественских каникул, о. Григорий записал: «Господи, даждь юному сему смысл и охоту в науках, паче сердце преклонное к Святому Твоему страху, к Твоей Святой воле, к добродетели. Не введи, Господи, и толико юного в искушение, избави его от всего лживого!»⁵³. Чаще всего именно в духовных училищах и семинариях дети духовенства впервые приобщались к выпивке и другим порокам. Воспоминания о годах собственной учебы заставляли отцов бояться за сыновей.

Помимо потенциальных угроз семейному благополучию дом священника не миновали и реальные горести. В тетрадь попал лист, который, судя по разнобою в датах, относился к другому году. Одна из записей заканчивается фразой: «Генюшка со вторника больна, при смерти». Через день следует пометка: «Погребение дочери моей Генюшки»⁵⁴. О самой смерти отец не написал. К супруге, как первоначально кажется, о. Григорий относился гораздо холоднее, чем к детям, тем не менее в дневнике она именуется не только «попадшей», но и «Настюшей». Осенью 1830 г. в селе началась эпидемия холеры, и отношение священника к жене прояснилось. 19 октября: «Пришед, нахожу милую Настюшу не здорову»⁵⁵. 22 октября: «Настюша начала бродить с одра смертного»⁵⁶. Чувствуется, что о. Григорий очень боялся потерять жену. В этом случае он и сам мог лишиться места: вдовых священнослужителей обычно отправляли за штат. Но справедливости ради стоит отметить, что в записках о. Григория чувствуется только страх за жизнь близкого человека.

Болезнь жены и смерть дьячка (как выяснилось, насильственная⁵⁷) — последние экстраординарные события в дневнике о. Григория, вырывающиеся из круговорота все тех же служебных и хозяйственных работ. Сельский батюшка оказался далеко не идеалом, жизнь героев его дневника не похожа на пастораль, но все-таки они вызывают невольную симпатию, да и в колоритности им не откажешь.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Российский государственный исторический архив (далее — РГИА), ф. 834, оп. 4, д. 1610, л. 1. При цитировании дневника орфография, когда это возможно, меняется на современную. Особенности написания тех или иных слов, присущие автору дневника, сохранены без изменения.
- ² Кузин С. С. Духовенство и сельские приходы Тверского уезда Тверской губернии в первой половине XIX в. // Провинциальное духовенство дореволюционной России: Сборник научных трудов Всероссийской заочной конференции. Вып. 2. Тверь, 2006. С. 54–132.
- ³ Там же. С. 109–110.
- ⁴ Эти данные не совпадают со сведениями дневника: 23 мая 1829 г. о. Григорий праздновал 11-ю годовщину священнической хиротонии (РГИА, ф. 834, оп. 4, д. 1610, л. 37 об.).
- ⁵ Этот факт дает также представление о том, когда духовенству центральных епархий стали присваивать фамилии. Священник и дьячок, довольно молодые люди

в 1822 г., обучались в семинарии без фамилий. В среде уральского духовенства к началу XIX в. бесфамильных не было.

⁶ Кузин С. С. Указ соч. С. 109.

⁷ Кузин констатирует рост численности диаконов уже к концу 1-й четверти XIX в.: если в 1801 г. на приходах Тверского уезда служили 28 диаконов, то в 1825 г. — 36, притом что численность иереев, несмотря на изменение числа храмов, осталась прежней — 75 человек (Там же. С. 54–56).

⁸ РГИА, ф. 834, оп. 4, д. 1610, л. 23.

⁹ Там же, л. 12.

¹⁰ Там же, л. 7.

¹¹ Там же, л. 2.

¹² Там же, л. 1–1 об.

¹³ Там же, л. 5 (запись от 2 августа).

¹⁴ Там же, л. 10. Работник Сергей за 8 дней косьбы получил от священника 7 рублей 20 коп[еек] (Там же, л. 3).

¹⁵ Клировые ведомости отмечают, что денежный доход Рождественского причта за 1822 г. составил 461 рубль 20 копеек (Кузин С. С. Указ соч. С. 109). Судя по суммам, которые фигурируют в дневнике священника, наличные деньги шли на оплату труда батраков, обучение сына в уездном духовном училище, на покупку «городских» товаров и на традиционные и экстраординарные взятки. В принципе в этом случае указанных денежных доходов могло хватить, но при условии, что удовлетворение абсолютного большинства бытовых нужд обеспечивалось собственным хозяйством. Следует учитывать также, что часть доходов духовенство получало продуктами, и доля подобных доходов могла быть весьма значительна (притом что определить ее точно практически невозможно). Хозяйство духовенства вряд ли носило товарный характер: в дневнике упоминается только продажа жеребенка за 8 рублей 60 копеек и коровы за 26 рублей (РГИА, ф. 834, оп. 4, д. 1610, л. 11 об.).

¹⁶ Обращает на себя внимание, что в Тверском уезде духовенство практиковало найм батраков, тогда как крестьянская «помочь» духовенству, довольно распространенная в это время в восточных регионах страны, упоминается как отчасти случайный, неорганизованный элемент ведения хозяйства, практически пережиток. Участвовали в таких работах, как уже отмечено, женщины и другие члены причта; угощение за «помочь» не упоминается, хотя это не значит, что его не было: скорее всего, поскольку «помочь» была полустихийной, то и угощение утратило обрядовый характер. Ср.: «Помочи часто бывали большие — от 30 до 40 человек. С поля к обеду и ужину они возвращались всегда с песнями. По окончании ужина начиналось настоящее веселье, пели уже не одни голосовые песни, но и плясовые песни и плясали часто дольше полуночи» (Воспоминания Ивана Яковлевича Порфирьева, профессора русской словесности Казанской Духовной академии // Православный собеседник. 2005. № 2(10). С. 152–153: речь идет о жизни в доме сельского священника Вятской епархии в 1-й половине XIX в.).

¹⁷ За причтом Рождественского погоста значилось «земли неотмежеванной по крестьянским полям 60 дес[ятин], в пустоше Воробьеве 20 дес[ятин], в Починке Степанова Нива тож 10 дес[ятин]» (Кузин С. С. Указ соч. С. 109). Клировые ведомости не отмечают назначения земель (пахотная, сенокосная, усадебная), не оценивают ее качества, так что судить о том, насколько земля обеспечивала потребности причта, по данному источнику, как и по дневнику о Григория, невозможно.

¹⁸ РГИА, ф. 834, оп. 4, д. 1610, л. 5 об. Возможно, о Григорий сетует именно на свою занятость, а не просто констатирует факт в пометке от 11 августа 1828 г.: «С Божия благословения начат мною сев ржи, а соседы начали 9-го числа». 14 июля того же года: «По утру погребши тело Конищевского младенца поправил изгороду от парового поля. Потравлены чрез мой неусмотр полосы противу моей изгороды. Виноват, долго не смотрел» (Там же, л. 2 об.).

- ¹⁹ Вероятно, имеется в виду Н. А. Тесьмин, которому принадлежали 3 крестьянских двора с 11 душами мужского и 11 женского пола в деревне Амачкино (*Кузин С. С. Указ соч. С. 110*).
- ²⁰ РГИА, ф. 834, оп. 4, д. 1610, л. 6. О далеко не блестящем положении священнического хозяйства свидетельствует заметка от 5 ноября 1828 г.: «Ивану Евдокимовичу отвез четверть ярицы. Благодарю Его Высокоблагородие за одолжение» (Там же, л. 16 об.) — еще одно свидетельство того, что священнику не хватало не только наличных денег, но и посевного зерна. Подполковник И. Е. Киев владел в сельце Симоново 10 душами дворовых и 2 душами крестьян (*Кузин С. С. Указ соч. С. 110*).
- ²¹ РГИА, ф. 834, оп. 4, д. 1610, л. 6. «Доход» в данном случае — церковный, который священник делит с остальным причтом, т. е. в данной фразе о Григорий фиксирует последовательность событий, и слово «доход» к его батракам не относится.
- ²² Там же, л. 5; см. также: л. 2 об.
- ²³ Там же, л. 19 об.
- ²⁴ Там же, л. 16 об.
- ²⁵ Там же, л. 10.
- ²⁶ Там же, л. 3.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Там же, л. 9 об. Священник занялся перепиской исповедной ведомости, поскольку за 2 дня до этого «кончил полевою уборку совершенно. Слава Богу!»
- ²⁹ Там же, л. 10.
- ³⁰ Там же, л. 10 об., 11 об. («диакон написал 2-ю тетрадь исповедную и она мною исправлена к подаче»).
- ³¹ Там же, л. 29 об.
- ³² Там же, л. 42 об.
- ³³ *Кузин С. С. Указ соч. С. 110*.
- ³⁴ РГИА, ф. 834, оп. 4, д. 1610, л. 38 об.
- ³⁵ Там же, л. 39.
- ³⁶ Там же, л. 39 об.
- ³⁷ Там же, л. 44.
- ³⁸ Там же, л. 3 об.
- ³⁹ Там же, л. 4 об.
- ⁴⁰ Там же, л. 11 об.
- ⁴¹ Там же, л. 10 об.
- ⁴² Там же, л. 7 об.— 8.
- ⁴³ Там же, л. 8 об.
- ⁴⁴ Там же, л. 18.
- ⁴⁵ Там же, л. 19.
- ⁴⁶ Там же, л. 31—31 об.
- ⁴⁷ Там же, л. 23.
- ⁴⁸ Там же, л. 82.
- ⁴⁹ Там же, л. 20. Официальная цель приезда благочинного — сбор денег «на сирот». Оказалось, что причту удалось собрать 5 рублей 20 копеек; в качестве же взятки благочинный получил 11 рублей 21 копейку собственных денег причта.
- ⁵⁰ «Буянство», видимо, вообще было в характере дьячка: в свое время на него, как уже было сказано, заводилось дело «об избииении им, будучи пьяным, священника с Романа Петра Кодратова и вдовы священника Ивановой» (*Кузин С. С. Указ соч. С. 109*).
- ⁵¹ РГИА, ф. 834, оп. 4, д. 1610, л. 3 об.— 4.
- ⁵² Там же, л. 3 об.
- ⁵³ Там же, л. 29.
- ⁵⁴ Там же, л. 17а об.
- ⁵⁵ Там же, л. 80 об.
- ⁵⁶ Там же, л. 81.
- ⁵⁷ Там же, л. 82.